

Andrzej Sapkowski

WIEDŹMIN
Ostatnie życzenie

Warszawa
superNOWA
1993

Анджей Сапковский

ВЕДЬМАК
Последнее желание

Иллюстрации Дениса Гордеева

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44
С19

Andrzej Sapkowski
Ostatnie życzenie

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
NOWA Publishers при содействии
Агентства Александра Корженевского

Сапковский, Анджей.

С19 Ведьмак. Последнее желание / Анджей Сапковский; пер. с польск.
Е.П. Вайсброта. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 320 с.: илл. — (Сапковский с
иллюстрациями).

ISBN 978-5-17-102028-6

Он уничтожает чудовищ и выручает попавших в беду... как правило, за деньги. Он виртуозно владеет мечом... и никогда не помышлял о военной карьере. Он защищает людей... которые его презирают, ненавидят и боятся. Он странствующий рыцарь... без шпор, девиза, замка и прекрасной дамы. А впрочем, прекрасная дама обязательно будет. А еще будут чары и тайны, неразделенная любовь и нелегкий выбор, схватки не на жизнь, а на смерть, страсти, песни и, конечно, сказки — знакомые всем с детства и разительно отличные от того, к чему мы привыкли.

Сага А. Сапковского давно занимает почетное место в мировой традиции жанра фэнтези, а Геральт стал культовым персонажем не только в мире литературы, но и в универсуме компьютерных игр. Первая книга из цикла «Ведьмак» впервые выходит с иллюстрациями Дениса Гордеева, созданными специально для этого издания.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-102028-6

Copyright © Andrzej Sapkowski, 1993
© Е. П. Вайсброт, наследники, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ГЛАС РАССУДКА I

О

на пришла под утро.

Вошла осторожно, тихо, бесшумно ступая, плывя по комнате, словно призрак, привидение, а единственным звуком, выдававшим ее движение, был шорох накидки, прикасавшейся к голому телу. Однако именно этот исчезающе тихий, едва уловимый шелест разбудил ведьмака, а может, только вырвал из полусна, в котором он мерно колыбался, словно погруженный в бездонную тень, висящий между дном и поверхностью спокойного моря, среди легонько извивающихся нитей водорослей.

Он не пошевелился, даже не дрогнул. Девушка подпорхнула ближе, сбросила

накидку, медленно, нерешительно оперлась коленом о край ложа. Он наблюдал за ней из-под опущенных ресниц, не выдавая себя. Девушка осторожно поднялась на постель, легла на него, обхватила бедрами. Опираясь на напряженные руки, скользнула по его лицу волосами. Волосы пахли ромашкой. Решительно и как бы нетерпеливо наклонилась, коснулась сосочком его века, щеки, губ. Он улыбнулся, медленно, осторожно, нежно взял ее руки в свои. Она выпрямилась, ускользая от его пальцев, лучистая, подсвеченная и от этого света нечеткая в туманном отблеске зари. Он пошевелился, но она решительным нажимом обеих рук оставила его и легкими, но настойчивыми движениями бедер добилась ответа.

Он ответил. Она уже не избегала его рук, откинула голову, встряхнула волосами. Ее кожа была холодной и поразительно гладкой. Глаза, которые он увидел, когда она приблизила свое лицо к его лицу, были огромными и темными, как глаза русалки.

Покачиваясь, он утонул в ромашковом море, а оно взбурлило и зашумело, потеряв покой.

ВЕДЬМАК

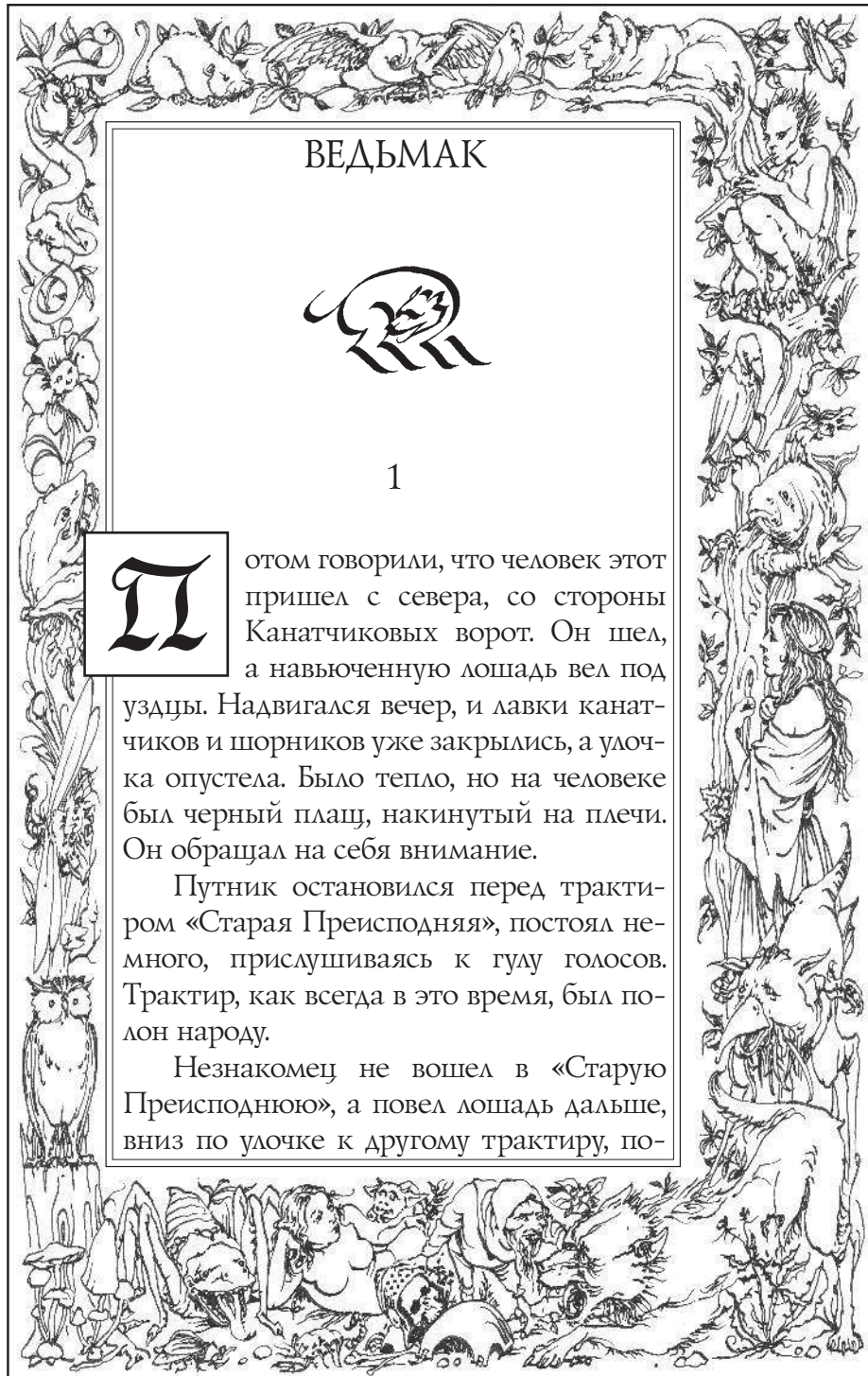
1

В

отом говорили, что человек этот пришел с севера, со стороны Канатчиковых ворот. Он шел, а навьюченную лошадь вел под уздцы. Надвигался вечер, и лавки канатчиков и шорников уже закрылись, а улочка опустела. Было тепло, но на человеке был черный плащ, накинутый на плечи. Он обращал на себя внимание.

Путник остановился перед трактиром «Старая Преисподняя», постоял немного, прислушиваясь к гулу голосов. Трактир, как всегда в это время, был полон народу.

Незнакомец не вошел в «Старую Преисподнюю», а повел лошадь дальше, вниз по улочке к другому трактиру, по-

меньше, который назывался «У Лиса». Здесь было пусто — трактир пользовался не лучшей репутацией.

Трактирщик поднял голову от бочки с солеными огурцами и смерил гостя взглядом. Чужак, все еще в плаще, стоял перед стойкой твердо, неподвижно и молчал.

— Что подать?

— Пива, — сказал незнакомец. Голос был неприятный.

Трактирщик вытер руки полотняным фартуком и наполнил щербатую глиняную кружку.

Незнакомец не был стар, но волосы у него были почти совершенно белыми. Под плащом он носил потертую кожаную куртку со шнуровкой у горла и на рукавах. Когда сбросил плащ, стало видно, что на ремне за спиной у него висит меч. Ничего странного в этом не было, в Вызиме почти все ходили с оружием, правда, никто не носил меч на спине, словно лук или колчан.

Незнакомец не присел к столу, где расположились немногочисленные посетители, а остался у стойки, внимательно изучая взглядом трактирщика.

— Ищу комнату на ночь, — проговорил он, отхлебнув из кружки.

— Нету, — буркнул трактирщик, глядя на обувь гостя, запыленную и грязную. — Спросите в «Старой Преисподней».

— Я бы хотел здесь.

— Нету. — Трактирщик наконец распознал выговор незнакомца. Ривиец.

— Я заплачу, — тихо и как бы неуверенно сказал чужак.

Тогда-то и началась эта паскудная история. Рябой верзила, с момента появления чужака не спускавший с него угрюмого взгляда, встал и подошел к стойке. Двое его дружков встали шагах в двух позади.

— Ну, нету же местов, шпана ривская, — гаркнул рябой, подходя к незнакомцу вплотную. — Нам тута, в Вызиме, такие ни к чему. Это порядочный город.

Незнакомец взял свою кружку и отодвинулся. Взглянул на трактирщика, но тот отвел глаза. Он и не думал защищать ривийца. Да и кто любит ривийцев?

— Что ни ривиец, то ворюга, — продолжал рябой, от которого несло пивом, чесноком и злобой. — Слышь, что говорю, недоносок?

— Не слышит он, уши-то дерьмом забил, — промямлил один из тех, что стояли позади. Второй захохотал.

— Плати и выматывайся, — рявкнул рябой. Только теперь незнакомец взглянул на него.

— Пиво допью.

— Мы те подмогнем, — прошипел дылда. Он выбил у ривийца кружку и, одновременно схватив одной рукой плечо, впился пальцами другой в ремень, пересекающий наискось грудь чужака. Один из стоявших позади размахнулся, собираясь ударить. Чужак развернулся на месте, выбив рябого из равновесия. Меч свистнул в ножнах и коротко блеснул в свете каганцев. Пошла кутерьма. Поднялся крик. Кто-то из гостей кинулся к выходу. С грохотом упал стол, глухо шмякнулась об пол глиняная посуда. Трактирщик — губы у него тряслись — глядел на чудовишно рассеченное лицо рябого, а тот, вцепившись пальцами в край стойки, медленно оседал, исчезал из глаз, будто тонул. Двое других лежали на полу. Один не двигался, второй извивался и дергался в быстро расплывающейся темной луже. В воздухе дрожал, ввинчиваясь в мозг, тонкий, истошный крик женщины. Трактирщик затрясся, хватил воздуха, и его начало рвать.

Незнакомец отступил к стене. Сжавшийся, собранный, чуткий. Меч он держал обеими руками, вода острием по воздуху. Никто не шевелился. Страх, как холодная грязь, облепил лица, связал члены, заткнул глотки.

В трактир с шумом и лязгом ворвались трое стражников. Видимо, находились неподалеку. Обернутые ремнями палицы были наготове, но, увидев трупы, стражи тут же выхватили мечи. Ривиец прильнул спиной к стене, левой рукой вытащил из-за голенища кинжал.

— Брось! — рявкнул один из стражников дрожащим голосом. — Брось, бандюга! С нами пойдешь!

Второй толкнул стол, мешавший ему зайти ривийцу сбоку.

— Жми за людьми, Чубчик! — крикнул он тому, что стоял ближе к двери.

— Не надо, — проговорил незнакомец, опуская меч. — Сам пойду.

— Пойдешь, пойдешь, сучье племя, только на веревке! — зарорал тот, у которого дрожал голос. — Кидай меч, не то башку развалю!

Ривиец выпрямился. Быстро перехватил меч под левую руку, а правой, выставив ее в сторону стражников, начертил в воздухе сложный знак. Сверкнули набивки, которыми были густо покрыты длинные, по самые локти, манжеты кожаной куртки.

Стражники моментально отступили, заслоня лица предплечьями. Кто-то из гостей вскочил, другой помчался к двери. Женщина снова завопила. Дико, пронзительно.

— Сам пойду, — повторил незнакомец звучным металлическим голосом. — А вы трое — впереди. Ведите к ипату. Я дороги не знаю.

— Да, господин, — пробормотал стражник, опустив голову, и, робко озираясь, двинулся к выходу. Двое других, пятясь, вышли следом. Незнакомец, убрав меч в ножны, а кинжал за голенище, пошел за ними. Когда они проходили мимо столов, гости прикрывали лица полами курток.

2

Велерад, ипат Вызимы, почесал подбородок и задумался. Он не был ни суеверен, ни трусоват, но перспектива остаться один на один с белоголовым его не прельщала. Наконец он решился.

— Выйдите, — приказал стражникам. — А ты садись. Нет, не тут. Туда, подальше, если не возражаешь.

Незнакомец присел. При нем уже не было ни меча, ни черного плаща.

— Слушаю, — сказал Велерад, поигрывая тяжелой булавой, лежащей на столе. — Я Велерад, ипат, то бишь — градоправитель Вызимы. Что скажешь, милсдарь разбойник, прежде чем отправиться в яму? Трое убитых, попытка навести порчу — недурствен-

но, вовсе недурственно. За такие штучки у нас в Вызиме сажают на кол. Но я — человек справедливый, сначала выслушаю. Говори.

Ривиец расстегнул куртку, извлек из-под нее свиток из белой козловой кожи.

— Это вы на дорогах по трактирам приколачиваете, — сказал он тихо. — То, что тут написано, правда?

— А, — буркнул Велерад, глядя на вытравленные на коже руны. — Вон оно дело-то какое. Как же я сразу-то не сообразил. Ну да, правда. Самая что ни на есть правдивая правда. Подписано: Фольтест, король, владыка Темерии, Понтара и Махакама. Ну а коли подписано, стало быть, правда. Но руны рунами, а закон законом. Людей убивать не позволю! Усек?

Ривиец кивнул — понял, мол. Велерад гневно засопел.

— Знак ведьмачий при тебе?

Незнакомец снова полез за полу куртки, вытащил круглый медальон на серебряной цепочке. На медальоне была изображена ощерившаяся волчья морда.

— Как звать-то? Мне воще-то все равно как, спрашиваю не из любопытства, а для облегчения беседы.

— Геральт.

— Геральт так Геральт. Судя по выговору — из Ривии?

— Из Ривии.

— Так. Знаешь что, Геральт? Об этом, — Велерад хлопнул ладонью по козловой шкуре, — забудь. Выкинь из головы. Это дело серьезное. Многие пробовали. Это, брат, не то что пару-другую голодранцев прикончить.

— Знаю. Это моя профессия, милсдарь ипат. Написано: три тысячи оронов награды.

— Три тысячи, — выпятил губы Велерад. — И принцесса в придачу, как людишки болтают, хоть этого милостивый Фольтест не написал.

— Принцесса мне ни к чему, — спокойно сказал Геральт. Он сидел неподвижно, положив руки на колени. — Написано: три тысячи.

— Ну, времена, — вздохнул градоправитель. — Ну и паршивые же пошли времена! Еще двадцать лет назад кто бы подумал,

даже по пьянке, что такие профессии появятся? Ведьмаки! Странствующие убийцы василисков! Ходящие, словно точильщики, по домам истребители драконов и топляков. Геральт? В твоём цехе, ведьмаковском, пиво пить дозволено?

— Вполне!

Велерад хлопнул в ладоши и крикнул:

— Пива! А ты, Геральт, садись поближе. Чего уж там.

Пиво было холодное и пенистое.

— Ну, говорю, времена настали, — снова затянул Велерад, прихлебывая из кружки. — Дерьма всякого развелось. В Махакаме, в горах, нечисть кишмя кишит. По лесам раньше волки выли, а нынче, понимаешь, упыри, боровики всякие, куда ни плюнь — оборотень или какая другая зараза. По селам русалки да нищенки детей умыкают, уже на сотни счет пошел. Хвори, о каких раньше никто и слыхом не слыхивал. Прямо волосы дыбом встают. Ну и еще это вот, для комплекта! — Он толкнул свиток по столу. — Неудивительно, Геральт, что на вас такой спрос.

— Это, градоправитель, королевское обращение, — поднял голову Геральт. — Подробности знаете?

Велерад откинулся на спинку стула, сплел пальцы на животе.

— Подробности, говоришь? А как же, знаю. Не то чтоб из первых рук, но источники надежные.

— Это мне и надо.

— Уперся, стало быть. Ну, как знаешь. Слушай. — Велерад отхлебнул пива, понизил голос. — Наш милостивый Фольтест, когда еще в принцах ходил, при старом Меделле, показал, на что способен, а способен-то он был на многое. Мы надеялись, что со временем это пройдет, ан нет. Вскоре после коронации, тут же после смерти прежнего-то короля, Фольтест превзошел самого себя. У всех у нас челюсти отвалились. Короче: заделал дитяtko своей сестрице Адде. Адда была моложе его, они всегда держались вместе, но никто ничего не подозревал, ну разве что королева... В общем, глядь, а Адда уже во-от с таким брюхом, а Фольтест начинает заводить разговоры о свадьбе. С сестрой, понял, Геральт? Положеньице сложилось хуже некуда, а тут аккурат Визимир из Новиграда задумал выдать за Фольтеста свою Дальку, прислал

сватов, а нам, понимаешь, хоть держи королька-то нашего за ноги-руки, потому как он вознамерился гнать сватов взащей. Ну, обошлось, и слава богам, иначе-то оскорбленный Визимир кишки б из нас повыпускал. Потом, не без помощи Адды, которая повлияла на брата, нам удалось отсоветовать сопляку без времени в женихи лезть. Ну а тут Адда возьми и роди, в положенное время, а как же. А теперь слушай, потому как тут-то и началось. Того, что выродилось, почти никто и не видел. Ну, там, одна повитуха выскочила в окно из башни и убила насмерть, другая спятила и до сих пор не отошла. Потому-то я и думаю, что ребенок, дитяtko королевское, не из красавцев выдался. Девчонка. Впрочем, она тут же померла, никто, сдается мне, особо не спешил пуповину перевязывать. Адда, на свое счастье, родов не пережила. А потом, братец ведьмак, Фольтест в очередной раз слупил. Ублюдка-то надо было спалить иль, может, закопать где-ни-то на пустыре, а не хоронить в саркофаге да упрягивать в подземельях дворца.

— Что теперь рассуждать, — поднял голову Геральт. — Поздно. Во всяком случае, надо было вызвать кого-нибудь из Посвященных.

— Это ты о мошенниках со звездочками на колпаках? А как же! Их сюда с десятков слетелось, но уже после того, как стало ясно, что в том склепе лежит. И по ночам из него вылазит. А вылазить-то начало не сразу, э нет. Семь лет после похорон жили мы спокойно. А тут однажды ночью, аккурат было полнолуние, во дворце визг, крик, переполох! Да что долго рассусоливать, сам знаешь, оповещение королевское читал. Дитяtko подросло, и неплохо, да и зубки вымахали ого-го! Одним словом, упыриха! Эх, жаль, ты трупов не видел. Как я. Иначе б постарался Вызиму стороной обойти.

Геральт молчал.

— И тогда, — продолжал Велерад, — Фольтест скликал к нам целую орду всяческих колдунов. Орала они друг на дружку, чуть не побились своими посохами, которые, видно, носят, чтоб собак отгонять, ежели кто науськает. А науськивают-то, я думаю, регулярно. Ты уж прости, Геральт, ежели у тебя другое мнение о вол-

шебниках. Полагаю, в твоём цеху их тоже немало, но на мой вкус — так это дармоеды и дурни. К вам, ведьмакам, в народе больше уважения и доверия. Вы хоть, как бы это сказать, конкретны, что ли.

Геральт улыбнулся, но смолчал.

— Ну, ближе к делу. — Градоправитель, заглянув в кружку, допил пива себе и ривийцу. — Некоторые советы этих колдунов казались не такими уж idiotскими. Один, например, предложил спалить упыриху вместе с дворцом и саркофагом, другой посоветовал отрубить ей башку заступом, остальным больше нравились осиновые колья, которые следовало вбить ей в разные части тела, конечно, днем, когда дьяволица спит в гробу, притомившись после ночных утех. К несчастью, нашелся один шут в колпаке на лысом черепе, горбатый отшельник, который заявил, что все это чары и колдовство, что их можно расколдовать, и из упырицы снова получится Фольтестова дочечка, красивенькая как картинка. Надо только отсидеть в подвале всю ночь — и привет, дело в шляпе. После чего — представляешь себе, Геральт, что это был за придурок, — он отправился на ночь во дворец. Как легко догадаться, осталось от него маловато, почитай, только колпак да посох. Но Фольгест вцепился в его идейку как репей в собачий хвост. Запретил убивать упырицу и изо всех возможных дыр королевства притащил в Вызиму шарлатанов, чтобы те переколдовали ведьму в принцессу. Это была, доложу я тебе, та еще компания. Какие-то скрюченные бабы, хромоножки, грязные, братец, завшивевшие — страх, да и только. Слезы. Ну и давай они шаманить, в основном над тарелкой и кружкой. Правда, некоторых Фольгест не без помощи Совета расколол быстренько, нескольких даже остратки ради повесил на частоколе, но маловато, маловато. Я б, к примеру, всех их на шибеницу отправил. Ну, о том, что за это время упырица ухитрилась загрызть кой-кого, наплевав на мошенников и их заклинания, думаю, говорить не приходится. Да и о том, что Фольгест во дворце больше не жил. И вообще никто уже там не жил.

Велерад замолчал, отхлебнул пива. Ведьмак тоже помалкивал.

— Так оно и идет, Геральт, шесть лет уже, потому как ОНО уродилось лет четырнадцать назад. Были у нас за это время и за-

боты иного характера, подрались мы с Визимиром из Новиграда, но по вполне достойным, понятным причинам, поскольку речь шла о передвижке пограничных столбов, а не о каких-то там доченьках или родственниках узлах. Фольтест, кстати, уже начинает снова поговаривать о женитьбе и разглядывать присылаемые соседскими дворами портреты, которые раньше прямым ходом отправлял в отхожее место. Но время от времени на него обратно находит, и он принимается рассылать гонцов на поиски новых колдунов. Ну и награду положил три тысячи, из-за чего сбежало несколько сумасбродов, странствующих рыцарей, даже один свинопас, известный всей округе недоумок, да будет земля ему пухом. А упырице хоть бы хны. Время от времени загрызет кого. Привыкнуть можно. А от тех героев, что пытаются ее расколдовать, хоть та польза, что бестия нажрется, не отходя от саркофага, и не околачивается за пределами дворцовых служб. А Фольтест живет теперь в новом дворце, вполне приличном.

— За шесть лет, — Геральт поднял голову, — за шесть лет никто не покончил с этим делом?

— Правда твоя. — Велерад проникательно глянул на ведьмака. — Потому, похоже, и сделать-то ничего нельзя. Придется терпеть. Я говорю о Фольтесте, нашем возлюбленном и милостивом монархе, который все еще велит приколачивать свои призывы и обращения на перепутьях. Только вот охотников вроде бы побавилось. Недавно, правда, объявился один, так он хотел эти три тысячи непременно получить вперед. Ну, посадили мы его в мешок, значит, и кинули в озеро.

— Да уж, жулья хватает.

— Это точно. Их даже, я бы сказал, с избытком, — поддакнул ипат, не спуская с ведьмака глаз. — Потому, когда пойдешь во дворец, не требуй золота авансом. Если, конечно, пойдешь.

— Пойду.

— Ну, твое дело. Только не забудь мой совет. Ну а коли уж мы заговорили о награде, то последнее время людишки стали поговаривать о второй части. Я тебе говорил: принцессу в жены. Не знаю, кто это придумал, но ежели упырица выглядит так, как рассказывают, то шуточка получается невеселая. И все ж таки не